

Наставления учащим и учащимся риторике: взгляд Квинтилиана

З.И. Курцева

Риторике, как известно, более двух с половиной тысяч лет, однако немало проблем, затронутых во времена античности, волнуют нас и сегодня. Обратимся к трактату Марка Фабия Квинтилиана «Ораторское наставление» («*Institutio oratoria*»*), адресованному не только будущим ораторам, но, прежде всего, преподавателям риторической школы, которая, заметим, была первой государственной школой, что дает основания судить о статусе и значимости риторики в античные времена (первое 100-летие н.э.).

Квинтилиан преподавал в риторической гимназии и по просьбе коллег и друзей не только обобщил известное из теории и практики риторики, обращаясь в большей степени к учению Цицерона, но и дополнил его собственными изысканиями, а главное – поделился своим педагогическим опытом. Труд Квинтилиана является первым пособием для будущего учителя риторики.

Самое трудное, по словам Квинтилиана, – давать наставления и учащим, и учащимся, особенно если это касается ораторов. «Самый красноречивый человек без добродетели не есть оратор», – заявляет ритор. Если же даром слова овладел порочный человек, то это следует считать злом, потому что красноречие сделает его еще худшим.

Квинтилиан утверждает, что формирование совершенного оратора должно осуществляться в риторических училищах, гимназиях; риторике как предмету он отводит центральное место в образовании, предупреждая учащихся, что «великого труда, не-

прерывного умения, многих опытов, совершенного благоразумия и здравого рассудка требует наука красноречия». В отличие от Цицерона, считавшего, что философия первична, а риторика – ее помощница, Квинтилиан полагал, что риторика – жизненный принцип, все же другие науки готовят ученика к тому, чтобы овладеть искусством красноречия. Он особенно ценил в риторике ее нравственные основы и считал этику неотъемлемой частью риторики: риторика есть добродетель. По Квинтилиану, риторика – наука не только техническая, но и моральная: совершенный оратор должен прежде всего обладать высокими моральными качествами. Как можно, рассуждает он, отделить слово человеческое от мысли, разума, морали! «Какого, например, похвального слова можно ожидать от оратора, – спрашивает ритор, – если не имеет он полного понятия о нравственности? Какой подаст совет, если вознерадит вникнуть в обстоятельства и выгоды просящего совета?»

Предвидя возражения, Квинтилиан отвечает своим воображаемым оппонентам: «Но, скажут мне, и злой человек иногда располагает в своей речи и приступ, и повествование, и доводы наилучшим образом. А я отвечаю, что и разбойник может мужественно сражаться, однако мужество не перестанет быть добродетелью».

Не раз приходилось Квинтилиану защищать риторику от нападок противников, утверждавших, что риторика зачастую используется не на благо, а во зло: «Есть люди, кои жестоко восстают против нее: и, что всего недостойнее, напрягают силы красноречия на порицание красноречия. Говорят, что риторика обаянием своим часто избавляет злодеев от наказания, а невинных осуждает; что ею худые советы берут верх над добрыми, и не только мятежи народные, но и непримиримые брани возбуждаются;

* Двенадцать книг риторических наставлений. Ч. 1–2 / Пер. А. Никольского. – Спб., 1834.

что, наконец, употребляется она наиболее там, где истина препобеждается ложью.

Когда бы возражения сии были справедливы, то и полководцы, и градоправители были бы не нужны, и врачебная наука, и самая философия бесполезны. <...> Кто не знает, что огонь, вода, без которых жить невозможно, и даже главнейшие из светил небесных, Солнце и Луна, иногда вред приносят?..

Итак, хотя можно красноречие обращать на то и другое употребление, однако несправедливо было бы почитать злом ту вещь, которую можно употребить и на доброе».

В своем трактате Квинтилиан доказывает, что риторику можно и, более того, должно «поставить в число добрых дел», что только добрый, честный человек, совершенный во всех знаниях и во всех качествах, присущих красноречию, может стать совершенным оратором. Разумеется, достичь совершенства в ораторской речи сложно, но необходимо к этому стремиться: «Достигнуть одного свойства уму человеческому не воспрещено; а ежели в том и не удастся, по крайней мере, кто старается взбираться вверх, будет выше того, кто, отчаясь в успехе, внизу остается».

Квинтилиан структурно разделил свой наставления на три части: в первой он рассматривает, чему нужно учить, во второй – каким должен быть оратор, в третьей – ораторскую речь. Мы же остановимся на тех частных вопросах, которые прежде специально не рассматривались, а именно:

- когда нужно начинать обучение будущего оратора;
- где обучать – дома или в училищах;
- какие предметы должны при этом изучаться;
- как организовать обучение в риторической школе;
- каким должен быть учитель риторики.

Начнем с ответа на первый вопрос. Для будущего оратора крайне

важна как нравственная атмосфера, так и речевая среда, в которой воспитывается ребенок. Квинтилиан дает совет: прежде всего следует позаботиться о том, чтобы кормилицы «не имели дурного выговора или испорченного наречия. Хотя более всего надлежит уважать в них нравственность».

Квинтилиан негодует: «Вошло в обычай (и сей обычай день ото дня усиливается) заставлять учиться красноречию гораздо позже надлежащего времени». Между тем развитие вкуса будущего оратора и формирование его нравственного сознания должно осуществляться с раннего возраста, «ибо все, чему в нежном и неопытном возрасте научаешься, глубже в умах укореняется». Кроме того, в этом возрасте «дети притворяться еще не умеют, а более слушаются наставлений». При чем учение «должно быть забавою», чтобы ребенок испытывал различные эмоциональные состояния: и радовался, и огорчался, и гордился, и даже завидовал. Квинтилиан рекомендует поощрять учеников то похвалой, то просьбой, то награждением, «которое для сего возраста бывает заманчиво», да и «нравы в играх удобнее познаются».

Когда же отрок может выступать с публичными речами? «Я коротко скажу, – пишет Квинтилиан, – когда откроются в нем потребные к тому способности; здесь надобно смотреть не на лета его, а на успехи в учении».

Вступать же в звание и должность оратора надлежит, без сомнения, соответственно своим силам. Не следует молодому оратору испытывать боязнь оттого, что не все получается: «Всего лучше представлять плоды своего учения еще свежие и приятные, когда прощаются недостатки... недостаток слова дополнится возрастом; что кажется неосторожно, отнесется к молодости».

Вопрос о месте обучения ребенка волновал родителей и в те далекие времена. Где лучше учиться: дома или в школе и гимназии? Квинтилиан опровергает возможные возражения против училищ, которые не вредят успехам в учении, а, напротив, способству-

ют развитию ораторского искусства: «Не было бы между людьми красноречия, если бы всякий из нас говорил только один на один». Кроме того, ребенок должен «с юных лет привыкать не страшиться многолюдства и преодолевать застенчивость»; при групповом обучении возникают дружественные связи, а дружба, как известно, является одной из добродетелей.

Обучение будущего оратора в гимназии, а не дома значимо также и для учителей, которые «не могут иметь той силы и живости в слове перед одним учеником, каким возбуждаются при многолюдном собрании, ибо большая часть витийства состоит в душе... И душа чем благороднее и возвышеннее, тем сильнейших к возбуждению своему требует движений».

Цель обучения ораторскому искусству Квинтилиан видит в том, чтобы подготовить отрока к практической деятельности. Обучению риторике предшествует познание многих наук: «Слово, сей дар неоцененный, требует многих наук, которые хотя и не видны в речи и не оказываются явно, однако сообщают ей сокровенную некую силу и дают себя чувствовать неприметным образом». Что же это за науки? Прежде всего это грамматика, чтение, литература, философия, право, история, которую Квинтилиан рассматривал как источник примеров для иллюстрации ораторского искусства.

В грамматике ритор особенно ценил такие три достоинства, как правильность, ясность и красота. При отборе книг для чтения (особенно на первых ступенях обучения) «надобно, чтобы дети перенимали более то, что украшает душу, нежели разум». Учитель должен предлагать своим воспитанникам, помимо прочих упражнений, сочинять эвологии – это особый жанр речи, имеющий целью показать чьи-либо нравы.

Большое значение Квинтилиан, как и другие ораторы, придает способу произнесения речи: голос обыкновенно следует внутреннему движению души, лицо «показывает более,

нежели речь наша: оно часто заменяет все выражение слова», а в лице главное – глаза, в «которых изображается душа наша так живо, что и при неподвижности их от радости светлеют, а от печали тускнут».

Музыку и геометрию (вспомогательные элементы культуры) он советует изучать на ранней ступени обучения, хотя и замечает, что Сократ не стыдился учиться музыке даже в старости. Особое значение оратор придавал физике. Он восклицал: «Какое красноречие можно представить себе в человеке, который не знает, что есть наилучшего в природе».

И для того времени был актуальным вопрос, связанный с определением границ и содержания предметов риторики и грамматики. Квинтилиан недоумевает: «Сие происходит оттого, что риторы наши опустили свою, а грамматики чужую должность себе присвоили», т.е. риторы занимаются лишь «изложением вымышленных случаев и преподаванием на сей только конец нужных правил, да и то в роде рассудительном и судебном, а все прочее, как недостойное своего звания, презирают», а грамматики, опираясь на то, что сделано риторами, «берутся за труднейшие в красноречии предметы, каковы суть: заимословия и сочинения, к советательному роду относящиеся». В главе XII Квинтилиан высказывает мысль, сходную с точкой зрения Сократа, древнегреческого философа, проповедовавшего, что добродетель есть знание, и излагавшего свое учение в форме бесед: риторика «не в судебныхных только речах и разбирательствах, но и в делах частных и домашних имеет место». (Заметим попутно, что именно такой подход к предмету отражен в учебниках риторики под редакцией профессора Т.А. Ладъженской.)

Рассуждения Квинтилиана о предметах риторики и грамматики завершаются призывом: надо положить каждой науке свои границы! Эти слова античного ритора звучат вполне современно, не правда ли? Напомним нашим читателям, что в вынесенных на

обсуждение современных Стандартах по русскому языку предпринята неоправданная попытка соединить риторику и грамматику*.

Не менее современно звучит ответ Квинтилиана тем, кто говорит о якобы возможной перегрузке учащихся: «Тот и другой (предмет. – *З.К.*) может иметь свою очередь: не опасайтесь, ребенок не утомится от наставлений двух учителей. Я не умножаю, а только делю труд, который смешан без разбора. Таким образом, каждый учитель будет полезнее в своем деле. У греков и поныне сие наблюдается, а наши риторы от того отступили».

К сожалению, и сегодня приходится констатировать, что риторика не является обязательной школьной дисциплиной. А по словам Ю.В. Рождественского, общество, в котором пренебрегают риторикой, стагнируется (погружается в состояние застоя). Однако хочется верить, что красноречие будет шествовать «не как по узким тропинкам, но как по полям пространным; да не будет оно ограничено наподобие малых источников, в один тесный проток собираемых; но да проливается, как обширная река, по всем открытым долинам и да пролагает себе путь чрез все встречающиеся препоны».

Говоря о том, как обучать риторике, Квинтилиан значительное место в этом процессе отводит упражнениям, состязаниям, анализу речей. Давая советы юному оратору, он обращает внимание на то, что любое выступление должно соотноситься со случаем, с обстоятельством. «Риторика была бы наукою весьма легкой и маловажною, – замечает ритор, – ежели бы состояла из столь малого числа кратких правил. Нет, в сих правилах многое изменяется, смотря по роду дела, по времени, случаю и нужде. Посему-то в ораторе всего нужнее здравый рассудок; ибо со всеми встречающимися обстоятельствами сообразовываться должен. <...>

правила не суть законы непреложные: их изобрела польза. Не спорю, однако ж, что лучше следовать оным, а иначе и я не писал бы их; но ежели сия же польза заставит иногда отступить от них, то должно оную предпочесть правилам наставников».

Важно также при обучении риторике представлять себя в роли разных лиц, героев: «Когда хотим выразить страсть другого с правдоподобием, должны мы поставить самих себя на место того, кто подлинно страждет». «Не хочу скрывать, – признается Квинтилиан, – что я и сам... бывал умилен до того, что не только проливал слезы, но изменялся в лице и чувствовал скорбь непритворную, истинную».

Каким должен быть учитель риторики? Квинтилиан по-прежнему придерживается главной стратегической линии в своих риторических наставлениях: «Еще мало того, чтобы он был сам человек честный, чтобы строгим надзором умел блюсти чистую нравственность и в учениках своих <...> Нрав, как мы разумеем и чего требуем от учащихся, есть превосходнейшее свойство душевной доброты, сопровождаемое не только кротостию и снисхождением, но и дружелюбием и благоприветливостию». Школьный преподаватель риторики должен осознавать, что «обидеть словом непростительнее, нежели ударить рукою». «Помышляя о выборе слов, – советует ритор учителю, – надлежит... наиболее заниматься мыслями».

Перечисляя качества учителя риторики, Квинтилиан подчеркивает, что он должен отечески относиться к детям, быть негрубым и ласковым; строгим, но негневливым; простым, терпеливым, прилежным; чуждым пороков, не слишком скупым на похвалы; должен возбуждать вопросы учеников собственными вопросами.

Обращаясь к юным риторам, Квинтилиан пишет: «...что касается до того, чтобы быть честным человеком, в чем

* Проект федерального компонента государственного образовательного стандарта общего образования. Ч. 1 / Под ред. Э.Д. Днепров и В.Д. Шадрикова. – М., 2002.

и действительно состоит первое и важнейшее качество оратора, сие зависит большею частью от воли: кто быть таковым искренно пожелает, тому нетрудно постигнуть правила, которые учат добродетели <...> потребна на то одна добрая воля. Природа произвела нас на доброе, и так легко перенимать хорошее, когда искренно сего желаем, что поистине надлежит удивляться более тому, что так много людей порочных. И действительно, как вода рыбам, земля животным земнородным, воздух птицам свойственны, так точно жить под законами природы, нежели вне оных».

Квинтилиан призывает не отчаиваться тех учеников, которые не станут первыми в ораторском искусстве (еще Цицерон утверждал, что поистине талантливых ораторов гораздо меньше, нежели прекрасных поэтов): «...и посредством красноречия великие выгоды приносит: и ежели судить по плодам, от него приносимым, то оно почти равняется с совершенным красноречием». Главная цель учителя – пробудить у учащих желание постичь законы красноречия, наставить их на путь добродетели, «внушить им охоту к оному».

Невзирая на то что эти риторические наставления написаны два тысячелетия назад, мы легко обнаруживаем в них те же проблемы, которые волнуют нас сегодня: содержание, место и роль риторики в школьном образовании, личность учителя риторики и его профессионализм.

Завершая свой капитальный труд, Квинтилиан обращается к читателю со словами, которые звучат словно призыв: «Да возлюби всею душою науку Красноречия, сей божественный дар, ниспосланный с небес чело-векам, без которого все было бы немо в природе, и ничто не озарялось бы светом настоящим, и ничто не доходило бы до потомства; постарайся все стремиться к совершенству: сим средством достигнем высокой цели».

*Зоя Ивановна Курцева – канд. пед. наук,
доцент кафедры риторики и культуры
речи МПГУ, г. Москва.*